

Валентина Рузавина

**МОСКВА-
ПАЛАНГА**

Валентина Рузавина

Москва – Паланга.

Мои истории любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38837177

ISBN 9785449350008

Аннотация

Алина влюбилась в Германа в институте. Свадьба разладилась, но любовь жила. Нужно было встретиться с Германом в Паланге и разобраться в своих чувствах. Могут ли пересечься параллельные прямые? Эвклид говорил – нет, Лобачевский – возможно, а Катерина – да. Рассказ «Параллельные прямые» о вере. Оказывается, в деревне живут люди. Как там можно жить, если нет работы, денег, даже дров? Об этом рассказ «„Черный лесоруб“ Иван Захарович». Любовь... а они и не ожидали, может... и теперь с этим надо жить.

Содержание

Ты ушла рано утром	5
Бабье лето	9
Моя взрослая любовь	39
Параллельные прямые	41
1	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Москва – Паланга

Мои истории любви

Валентина Рузавина

© Валентина Рузавина, 2019

ISBN 978-5-4493-5000-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ты ушла рано утром

Никогда не любила просыпаться в чужом доме. С детства не любила. Уговорят подружки ночевать у них, когда мама в отъезде. Вечером все хорошо: какие-то разговоры, детские тайны откроем друг другу. А утром... Какой-то холод, неуют, чужие запахи утреннего дома.

Я проснулась с больной головой и растрепанной прической. Макияж вчера смыла плохо.

Город еще спал. Только чуть-чуть слышались звуки. Проехала машина. Хлопнула входная дверь. Загудел лифт.

Наверное, шестой час. Рядом со мной спал полноватый молодой мужчина. Вчера все казалось так здорово! Мы до поздней ночи пробыли в ресторане. Арсений сорил деньгами: заказывал для меня музыку, семгу и дорогой коньяк. Я много выпила. Подошла к пианисту, и мы с ним исполнили песню Нани Брегвадзе «Ах, эта красная рябина». Нам аплодировали. От избытка чувств я укусила за плечо пианиста, за что Арсению пришлось заплатить ему «зеленьюкую бумажку».

Потом я решила перетанцевать какого-то тридцатилетнего мальчишку. Перетанцевала! Курит много – дыхания не хватило.

«Под занавес» я танцевала босиком, в одних колготках. Протерла пятки. Вот балда! Но когда я начала размахивать

подолом юбки, мой внутренний голос сказал: «Люся, это уже не танец, это начинается стриптиз!» Я вовремя остановилась.

Потом мы с Арсением куда-то далеко ехали, он у «черта на куличках» живет. Я обещала ему, что останусь с ним жить навсегда. Скрашу его неустроенный быт сейчас и одинокую старость лет через двадцать-тридцать.

Но сейчас мне расхотелось выполнять свои обещания. Вчера я явно погорячилась.

В квартире пахло сигаретами, хоть мы и проветривали. От спящего Арсения пахло молодым здоровым мужиком, дорогим одеколоном и слегка перегаром.

Я вжалась в спинку дивана. Форточка болталась от ветра и противно скрипела.

«Шуруй домой, Люська! – сказал мой внутренний голос, – пока не поздно».

«А как же Арсений? Он такой одинокий на своих Северах?» – возразила ему я.

«Не пропадет, с такими деньгами еще помоложе тебя отхватит. Ему бы скромную деревенскую девку, а не такую, как ты, белоручку», – продолжал капать на нервы мой внутренний голос —

судья мой и совесть.

Я потихоньку пролезла у самой стеночки, чтоб не задеть ни руку, ни ногу безмятежно спавшего мужчины.

Наскоро промыла глаза в ванной с чужими запахами.

Там же оделась, чтоб не включать в прихожей свет. Мягко открыла входную дверь и мягко притянула ее на себя. Щелк! И закрыто. Сбежала три этажа, потом вызвала лифт. Минут десять мерзла на остановке, махнула такси. Ух! Уже ближе к дому!

– На Свободный! Потом покажу дом за гастрономом, – выдохнула я.

Семь часов двадцать минут. Хоть бы мой Гаврилыч спал. Тихонько открыла дверь. На кухне горел свет. Пахло кофе и почему-то булочками с ванилином. Чудо! Как в детстве.

– Леша, а ты уже не спишь? – крикнула я с порога.

– Людочка, привет! Иди завтракать, – ответил муж.

– Ой, я так замерзла на остановке, сейчас ноги погрею в ванной, – тараторила я.

– Как ваш девичник у Маринки? – через дверь спросил муж.

– Ой, Лесик, такая скука! И ты ведь знаешь, что я не люблю ночевать «в людях». Я хорошо сплю только в своей постели, – нагло отвечала я.

Хорошо хоть в глаза смотреть не надо.

«Вода, вода, смой с меня всю грязь, перегар, дым сигарет, чужие запахи, чужие поцелуи», – заклинала я.

«Вот стерва», – вклинилось опять мое второе «я».

«Прекрати, я люблю мужа, просто у нас разный темперамент», – возразила ему я.

– Лесик, кинь мой зеленый махровый халат, – опять крик-

нула я.

– Да висит уже в ванной, – ответил мой мудрый муж.

Мы пили кофе. Я толстым слоем мазала масло на ванильные булки, а сверху еще сыр.

О, блаженство – дома! Что это? Телефон.

– Я отвечу, – сказал муж.

Я больно прикусила щеку.

«Дура, ты еще и телефон Арсению дала,» – опять шептал мой внутренний голос.

Тихо! Я вытянула шею – слушаю.

– Люсю, какую Люсю? Здесь только Людмила Олеговна живет, – ответил муж.

– Ошибся кто-то, – сказал он мне.

Город оживал.

нула входная дверь.

Бабье лето

Есть время природы особого света,
Неяркого солнца, нежнейшего зноя,
Оно называется бабье лето
И в прелести спорит с самою весною.

Вот видишь – проходит пора звездопада
И, кажется, время навек разлучаться...
А я лишь теперь понимаю, как надо
Любить, и жалеть, и прощать, и
прощаться.
О. Берггольц

1

После долгих сентябрьских дождей, наконец, потеплело. Вот и наступило бабье лето. Те самые теплые деньки, в которые всегда хочется что-то успеть.

Юлия Сергеевна два дня гуляла по городу, вдыхая особый осенний воздух. Так хочется удержать каждый уходящий день. Зашла на рынок. Опята! И так захотелось самой пособирать их. Как в детстве. Юлино детство прошло в деревне с мамой и старшими братьями. Отец умер очень рано. Деревня была маленькая, все друг друга знали. И лет с де-

сяти Юля уже ходила одна за опятами и земляничкой. Лесок был метрах в двухстах от деревни.

И вот у Юлии созрело решение – пойти за грибами! Но близко от городка не то, что все выбрано, а даже все вытоптано. Тропинка на тропинке. Юлия Сергеевна решила поехать до дальних дач. С вечера собрала рюкзак с ведерком. Приготовила еду, воду. Усмехнулась, что еды на два дня. В детстве вообще ходили за ягодами с одним огурцом вместо воды.

Подумала, что надеть. Остановилась на красной ветровке с капюшоном. Это на случай дождя. На ноги – высокие ботинки со шнуровкой. Удобные, без каблуков и легкие. Теплый свитер можно будет снять, если днем жарко будет.

Рано утром Юлия села в автобус и уехала за шестьдесят с лишним километров от города. Вышла из автобуса. Миновала дачный поселок и углубилась в лес. Юля с детства помнила, что опята надо искать вокруг пней и полусгнивших деревьев. А вот грузди в папоротнике росли, но они уже отошли. Надо было в августе за ними ехать.

Как-то сразу Юлия не придавала значения, куда она пошла от дач: на юг или юго-запад. Наслаждалась чистым воздухом, срывала редкие ягодки перезревшей брусники и даже пыталась напевать. Куда-то отодвинулись неприятности последних месяцев. Впервые после сокращения с работы Юлия Сергеевна чувствовала себя, если не счастливой, то вполне спокойной. В душе было полное равновесие, умиротворение.

Что-то лес сосновый в основном. Где же опята? Зато попались поздние маслята, повылезли после дождя. Хорошенькие, липкие! Юлия всему радовалась. Присела отдохнуть, попила холодного чаю с бутербродом. И увидела первые опята. Маленькие! Несколько кучек. Такая радость! Осторожно срезала, чтоб не повредить грибницу. Понюхала их. Пахнут, как в детстве. Сама нашла.

Шла и размышляла о жизни, о себе. Вот осталась без работы. Главное сейчас, чтоб хватало средств оплачивать квартиру. Вот еще грибы! Крупнее и больше полянка. Потом еще и еще. Ого! Уже три часа пополудни. Надо пообедать и возвращаться назад, на автобус. Ведерко уже полное грибов. Юлия собирала грибы в пакет. Вспомнила, как лет десять назад, в грибную осень они с мужем принесли ведра три опят. Мариновали, сушили, делали грибную икру. Вздохнула. Уже нет в живых мужа. Дмитрий одинаково хорошо ориентировался и в тайге, и в столице. И не заметила, в какой момент перестала следить за направлением, за солнцем.

Рюкзак был битком набит грибами. Остатки чая в бутылке и хлеб рассовала по карманам. Повернула назад.

2

Юлия шла быстрым шагом, уже не смотрела на грибы. Их уже некуда было класть.

«Странно, как будто я здесь не шла», – размышляла

Юлия. Хотя она была уверена, что повернула строго на сто восемьдесят градусов назад. Уже должен был появиться дачный поселок.

Как же так? Подкрадывалась паника. Снова шла, пока не стемнело.

«Возьми себя в руки, – приказала она себе, – утром разберешься и найдешь дорогу».

Один раз в жизни Юля ходила в настоящий поход на неделю. Было это в школе. Они ходили на Уковский водопад. Руководитель Василий Петрович научил их азам походной жизни: как правильно укладывать рюкзак, как устраиваться на ночлег, как разводить костер и т. д.

Развела маленький костерчик – в кармане чудом оказалась зажигалка, с тех времен, когда пыталась курить. На место костра настелила лапника, уснула на теплой земле.

Утром съела половину хлеба и выпила несколько глотков чаю. Пыталась вспомнить приметные места, мимо которых вчера проходила. Встряхнулась и пошла.

Часам к пяти вечера поняла, что прошла мимо дач или уходит в другую сторону.

«Но ведь должны же быть какие-то деревни рядом или шоссе, в конце концов», – твердила Юлия.

На третий день уже не было ни хлеба, ни чаю. Выбросила из рюкзака все грибы. Пила воду из луж, набирала ведерком и цедила через носовой платок.

Потом пила воду просто, припав к лужам. Чистая она в ле-

су, никого нет. К счастью или к сожалению. Ела рябину. Сидела, обхватив голову, пыталась сосредоточиться – куда идти. В первый день не позвонила – глупая гордость помешала позвонить друзьям. Потом телефон перестал брать город. Теперь он окончательно разрядился.

Вечером Юля развела костер и пожарила на огне маслята. К утру начались боли в животе и рвота.

«Да, а аптечка-то осталась у меня дома, в дорожной сумке», – подумала Юлия и отключилась.

Пришла в себя, солнце светило сквозь ветки деревьев. Пробовала идти, обессилела, легла. Уснула. Потом перепутались дни и ночи. Лежала, скрючившись, под деревом на пригорке. То приходила в себя, то бредила.

3

Егор уже четвертый год жил на лесном кордоне один. Дочь с детьми приезжала только летом. Зимой он навещал их в краевом центре. Внуки учились в школе.

Какое красивое нынче бабье лето стоит! Уже больше недели. Егор взял ведра, пошел к ручью за водой. Шел легко, пружинисто. До сих пор военная выправка сохранилась. Десять лет в армии прослужил, на границе. Набрал воды, повернул к дому. И вдруг что-то необычное попало в поле зрения.

«Очень красная какая-то трава на пригорке», – подумал Егор. Поставил ведра и пошел посмотреть. Потом побежал,

потому что понял, что это женщина в красной куртке. Она была без сознания.

«Бедная ты моя», – подумал Егор, потому что лицо женщины было распухшее, все изъедено насекомыми. Глаза ввалились.

Подхватив на руки незнакомку, Егор заспешил к дому.

«Дурочка ты городская, – мысленно ругал Егор женщину, – свалилась на мою голову. Не дай бог умрет еще. Как можно одной идти в лес?»

Дома он разул свою находку и положил на кровать. Стал осторожно снимать верхнюю одежду. Застонала.

– Пить, – прошептала женщина.

Напоил.

– Холодно, – сказала Юля и опять отключилась.

«Откуда она? Кто она?» – думал Егор.

А сам укрыл ее одеялом. Поставил варить куриный бульон. Суетился. Волновался. Затопил баню.

Женщина то спала, то бредила. Разговаривала.

Егор пытался напоить ее бульоном. Несколько ложек выпила. Губы у женщины распухли, потрескались.

«Судя по зубам, ей лет тридцать пять», – подумал Егор.

К вечеру Юля очнулась.

– Где я? – спросила, увидев перед собой бородатого мужчину с добрыми глазами.

– У меня, в лесничестве, – ответил Егор, – да ты, дочка, не бойся.

– Я уже ничего не боюсь, – глухо ответила Юля.

– Сейчас я отнесу тебя в баню и буду лечить. Видно ты простыла, осенняя земля уже холодная, – приговаривал Егор. Юля только кивнула. Ей было все безразлично.

Егор напарил и выкупал свою незнакомку. Трудно пришлось с длинными русыми волосами. Вымыл кое-как. Проверил позвоночник, вроде все в порядке.

«Значит просто обессилела, не может сидеть, – подумал Егор, – а судя по седьмому позвонку, лет ей побольше сорока».

И тут же себя одернул: «Тебе-то какая разница, старый хрен!»

Одел женщину в свою рубаху, завернул в одеяло и отнес домой. Ее вещи отложил в стирку. Уложил Юлию в спальне на кровать с периной, на которой сам давно не спал. К ночи у нее поднялась температура. Всю ночь вставал, поил брусничным морсом. Она бредила, звала маму.

«Да, почему-то, когда нам плохо, мы всегда зовем маму. Даже если ее уже нет на свете», – подумал Егор.

Потом она звала своего сына. Потом пела:

Місяц на небе, зироньки сяють,

Тихо по морю човэн плыве.

В човнэ дивчина писню спивае,

А казак чуе – серденько мрэ.

Красиво пела. Чисто.

Егор заснул уже на рассвете и увидел во сне свою жену.

Но не такой, какой она была в последние годы, а молодой и красивой, с маленькой Аннушкой на руках. Жена отдала ему дочь, а сама куда-то исчезла, растворилась.

4

Утром Юлия окончательно пришла в себя, хотя была еще очень слабой. И температура держалась. Егор колдовал с травами, варил отвары. Натирал Юлю мазями собственного изготовления.

– Может, вертолет вызовем по рации, – предложил Егор, —сотовый здесь не берет, далековато ты ушла.

– Да мне уже лучше. Немного окрепну и уеду. Не знаю, как и благодарить Вас, – сказала Юля и в первый раз улыбнулась.

– А мне все в радость; такая красивая гостья ко мне пожаловала, – ответил Егор. Слукавил слегка. А, может, и нет.

В этот день он побрился и помолодел лет на десять.

– А как называется ваш кордон? – спросила Юля.

– Кузнецовский, – улыбнулся Егор.

– А почему?

– Да моя фамилия Кузнецов. Егор Кузнецов.

– А меня Юлия Веснина зовут, – улыбнулась она.

– Вот и познакомились, – улыбнулся в ответ он.

– А Вам не скучно здесь?

– Так я же весь день в работе. Это по случаю твоего прихода или приезда, не знаю, как и сказать, я прохлаждаюсь.

У меня же лес отнимает шесть-семь часов времени в день. А еще хозяйство, пусть небольшое: лошадь с жеребенком, куры. Корову теперь не держу. Пчелы опять же, с ними хлопотно. Собак ты видела, – Егор вздохнул, будто такая длинная речь далась ему с трудом.

– А у меня в квартире только цветочки, завяли, наверное, все. Сын учится в аспирантуре в Москве. С мужем развелась, а потом он умер. Мама давно умерла. Есть, конечно, родня, но далеко, – закончила Юля грустно.

Дня три еще она лежала. Потом вышла на крыльцо, на солнышко. Надела свои брюки, они еле держались на бедрах. Похудела. Сверху все та же голубенькая рубашка Егора. Юлия разглядывала большой чистый двор. Около крыльца буйствовали бархатцы и шафраны. Вдоль ограды росли кусты шиповника. На нескольких кустах шиповника вместе с ягодами расцвели цветы. У Юли было такое чувство, что когда-то она уже здесь была. Егор вышел из дома и сел рядом. Глянул на нее как-то по-другому, по-мужски. Юля покраснела и подумала: « Я же без бюстгальтера»!

– Пойдемте в дом, а то что-то ветерок по спине, – тихо проговорила женщина.

– Ну пойдем, – ответил Егор и помог ей встать.

Вечером Юлия попросила включить телевизор. У Егора была хорошая антенна, и он был в курсе всех событий в мире.

«Да, я начинаю привыкать к ней. А ведь думал, что жен-

щины меня уже не волнуют. Вот уедет домой, скучать буду», – думал Егор.

«А он ведь совсем не старей, – думала Юля, – лет пятьдесят пять, не больше. Всего-то лет на семь меня старше».

Прошло еще несколько дней. Юля окрепла настолько, что помогала готовить Егору обед. Затеяла даже вареники стряпать с картошкой.

– Когда была жива мама, – рассказывала Юля, – она всегда нам делала вареники с творогом, а летом с первой черникой.

– Можно съездить в деревню за творогом и сметаной, тут недалеко, километров семьдесят. Моя «Нива» в ремонте пока, – сказал Егор.

– Да ладно уж, в другой раз, – ответила Юля. А сама подумала: «А когда он будет, этот другой раз, и будет ли?»

Ночью Юля долго лежала на своей перине. Потом потихоньку пошла в другую комнату. Егор тоже не спал, ворочался. Юля подошла к его дивану и тихо сказала: «Мне жарко там на перине».

– Ложись тогда здесь, только диван жесткий. А я пойду в спальню, – ответил Егор.

– Нет, я боюсь здесь одна. Тут столько окон и во все луна светит, – сказала Юля.

– Ложись, а то ноги замерзнут, – улыбнулся в темноте Егор.

Немного погодя, он спросил Юлию: «Ты хорошо подумала?»

– Нет, я вообще не думала, просто решила жить инстинктами. После того, как ты меня спас, я могу позволить себе все, что хочу, – ответила Юля и положила руку ему на грудь.

– Девочка моя, хорошая моя, может, я старый для тебя? Сам бы я ни за что не сделал первый шаг, – прошептал ей Егор.

5

Пришло время собираться домой, как не оттягивала Юлия свой отъезд.

И машину из ремонта Егор пригнал. Он даже ссутулился, ходил хмурый, пока Юлия собиралась в дорогу. Хотя ей и собирать особо нечего было.

– Забудешь ты меня в городе, – сказал Егор, – зачем я тебе, ты молодая.

– Я моложе тебя всего на семь лет. Еще неизвестно кто из нас крепче, и кто за кем будет ухаживать в старости, – улыбнулась Юля, – а ехать надо. Я же еще не на пенсии, надо искать работу.

Не так уж долго они ехали: часа два по проселочной дороге, часа полтора по шоссе. Дачный поселок остался в стороне. Когда показался город, у Юлии затрепетало сердце.

Подъехали к дому, она вышла у своего подъезда. Ждала, пока Егор припаркует в сторонке машину. Напротив нее сидели на лавочке бабки.

«Будто и не уезжала никуда, – подумала Юлия, – вот умерла бы там, в лесу, а они бы так и сидели».

– Варвара, это кто там? Юлия что ль Сергеевна из 48-ой квартиры объявилась? А говорили, что к сыну уехала в Москву, – громким шепотом спросила баба Поля.

– Значит, не уехала. Замуж, видно, вышла, бросила того толстого с «намаркой», – громко сказала баба Варя.

– Здравствуйте, бабули, – Юля заулыбалась.

– Здравствуй, здравствуй, – ответила баба Поля.

– Привет! Не успеешь оглянуться – сама бабулей будешь, – пробурчала баба Варя.

– Че ты на нее ворчишь, Варвара? Вон Женька из 15-ой квартиры мужиков штук восемь сменила за последние три года. А машины эти новые называются иномарки, мне зять объяснял, – назидательно сказала баба Поля, – иные значит, не такие, как наши.

– А бравый мужик-то у Юльки, у Сергеевны, – задумчиво сказала баба Варя.

– Да, осанистый такой, – добавила баба Поля.

– У меня в молодости похожий был. Моряк, – вздохнула баба Варя.

– Когда? До революции что ли? Что вчера ела не помнишь, а моряка помнишь, – съехидничала баба Поля.

– Да, помню вот. Пойдем обедать, – грустно сказала баба Варя.

Юлия с Егором поднялись в квартиру. «Хорошо хоть

ключи не потеряла в лесу, – подумала Юля, – в нагрудном кармане куртки на булавку были пристегнуты».

В квартире было душно, воздух застоявшийся. Сразу открыли все настежь: и окна, и балкон. Егор стал разбирать рюкзак. Он и малины лесной баночку привез, и несколько банок соленых груздей, и банку маринованных опят.

– Юля, мне надо утром назад ехать. Нельзя дом без присмотра оставлять. Да и кормить-поить всех надо, – сказал Егор.

– А знаешь, Егор, я через неделю приеду. Сама на автобусе до Сосновки доеду, а там ты меня встретишь. Только не ревнуй зря. Не мучай меня и себя. Договорились? – спросила Юля.

– Договорились. А у тебя тоже хорошо, городок маленький, не то, что краевой центр. Я в большом городе уже не смогу жить, – ответил Егор.

– Если не найду работу здесь, возьмешь меня каким-нибудь помощником в твое лесничество, – пошутила Юлия.

– Надо подумать, это идея, – заулыбался Егор.

Он сидел в кресле и качал ногой.

«Вот это я не люблю», – подумала Юля.

– Ты часто так качаешь ногой? – спросила она.

– Да нет, не замечал за собой. Просто сейчас волнуюсь, – рассмеялся Егор.

«Надо мириться с его недостатками, не обращать внимания. Я уже так привыкла к нему за неделю, будто год прожи-

ла. С ним так тепло и надежно, – подумала Юля, – я почувствовала себя настоящей женщиной».

– Давай ничего не будем загадывать наперед. Пусть все уляжется само собой. Будем просто жить, – произнесла Юлия вслух, – жизнь такая короткая.

– А нам еще так много надо успеть, – с улыбкой добавил Егор.

Испорченный телефон (почти детективная история)

1

Предпраздничные дни. Мужчины сбиваются с ног в поисках подарков. По статистике только один-два процента мужчин покупают их заранее, учитывая вкусы своих любимых женщин. Половина мужчин покупают подарки, следуя советам продавщиц. Труднее всего покупать подарки коллегам по работе. В нынешнем году это неблагодарное дело поручили Сергею с Алексеем Петровичем. Сергею тридцать лет, а Алексею Петровичу пятьдесят девять. Они никак не могли прийти к единому мнению. Ходили по магазинам и постоянно спорили. Сергею Алексей Петрович напоминал Сан Саныча из «Девчат». Ну очень похож! Мужчины стали вспоминать что дарили в прошлом и позапрошлом году. Женщин в их цехе было всего семь, цех-то электромеханиче-

ский. В итоге подарили изящные кофейные пары и кофеварку на всех. И конечно мимозы!

Так красиво и празднично началась эта пятница – шестое марта. Все нарядные, взволнованные. Сразу после торжественной части и чаепития женщин отпустили домой. Осталась одна Ирина. Зараза!

– Я хочу еще поработать, – сказала она. Но не прошло и десяти минут, как Ирина подалась курить. А потом, нагрузив тарелку тортом и фруктами, пошла кормить «сынов полка» – программистов. От них она пришла часа через два и стала подбивать Сергея и Анатолия Михайловича выпить еще.

– Ирина Васильевна, я не практикую выпивку с подчиненными, – ответил ей начальник цеха Анатолий Михайлович. Был он медлительный, себе на уме. И внешностью не блистал: рыжеватый и с веснушками. Такой увалень. Но зато умел подстраиваться, ладить с начальством.

Сергей был еще молодой и горячий, слишком правильный и открытый. Внешность тоже незаурядная: русые волосы и карие глаза, как у Печорина. Рост больше ста восьмидесяти сантиметров, отличная фигура. Свободная раскованная походка.

– Да брось ты, Толик, – развязно ответила Ирина, – мы же однокашники. Она училась с ним в институте десять лет назад. А Сергей на два года позже.

Близился конец рабочего дня. Сели в кабинете у началь-

ника втроем, выпили по чуть-чуть коньяка.

2

После работы тем же составом поехали в ресторан – Ирина уболтала. Сергея дома никто не ждал кроме рыбок, и у Анатолия жена была в отпуске в Таиланде. Решили, что посидят буквально часок. В ресторане начали с коньяка, а потом Ирина заказала «Мартини». Ирина была красавицей: черные волосы, темно-карие глаза, чистая нежная кожа лица. А фигура вообще точеная, особенно длинные ноги. Она это знала и постоянно их выставляла напоказ. Когда уходили поздно вечером, Ирина взяла с собой шампанское и пила его в ожидании такси прямо из бутылки.

– Велика Россия, а переспать не с кем, – орала Ирина в такси цитаты Николая Фоменко.

– Будешь спать с подушкой, – ответил ей Сергей. Ирина начала хохотать, а потом задремала на плече у Сергея.

– Понимаете, праздник ведь – женский день, – извиняющимся тоном сказал Анатолий таксисту.

– Чего уж не понять, – ответил таксист.

– Ира, ты на улице Машиностроителей, дом «два» живешь? – спросил Сергей девушку.

– Да-а, дом два-А-а, – ответила Ирина, – мама там живет. Таксист подъехал к дому.

– Квартиру я помню, семьдесят вторая. Был один раз,

лет десять назад. Ира, выгружайся, приехали, – скомандовал Анатолий и пошел к дому номер два. Ирина повисла на его руке.

«А они ведь похоже это... когда-то, – подумал Сергей, – да, дела».

Ирина с Анатолием подошли к подъезду, дверь открылась, вышла бабулька с собачкой.

– Дра-а-сьте, – разулыбалась Ирина.

– С праздником, – сказал Анатолий.

– До праздника еще дожить надо, – пробурчала бабка.

Вошли в подъезд, хорошо хоть лифт работал. В лифте Ира пыталась закурить. На девятом этаже вышли, Анатолий позвонил в семьдесят вторую квартиру и быстро вошел в лифт. Он увидел, что дверь открылась и, вздохнув с облегчением, нажал кнопку первого этажа. Ирина шагнула через порог и рухнула на пол.

3

– Девушка, вам кого? – растерянно сказала старушка заготовленную фразу.

– Мама, мама! Голова болит! – ответила девушка, – как сильно болит голова! – а дальше что-то бессвязное. Откинула голову и захрапела.

– Тася, Тася, помоги, – затарабанила старушка в дверь к соседке.

– Господи, Агриппина Ефимовна, сколько раз вам говорить, что ваше любопытство вас погубит! Зачем открывать дверь в такое время? Кто к вам придет по ночи? – воспитывала Тася свою престарелую соседку.

– Да я думала, что внучка приехала, Томочка. Она иногда после клуба заезжает ко мне, – оправдывалась Агриппина Ефимовна.

– Ага, Томочка к ней приехала! Да она является, когда деньги нужны, – передразнила Таисья соседку. – Что стоим-то? Скорую надо вызывать, не могла девица так резко уснуть. Кое-как уложили девушку на диванчик в прихожей.

Скорая приехала быстро.

– Что случилось? – задал дежурный вопрос доктор.

– Не знаю, вот зашла и упала, – виноватым голосом ответила Агриппина Ефимовна.

– Фамилия, год рождения? – продолжал задавать вопросы доктор. Сам он измерял давление и отдавал распоряжения медбратау.

– Не знаю, я думала, что это внучка, – лепетала старушка.

– Так это ваша внучка? – наседал доктор.

– Да никакая не внучка, в первый раз видим. Зашла и упала. Что нам ее обратно в лифт надо было вытаскивать? – возмутилась Таисья.

– А как мы ее заберем в больницу без паспорта, без полиса? – возмутился доктор.

– Доктор, пульс слабеет, – тихо сказал медбрат.

– Что не знаешь, какой укол ставить? Давайте искать в сумке, в карманах какой-нибудь документ, – распорядился доктор.

В сумке нашли только визитку на Верхотурову Евгению Николаевну.

– Все, забираем вашу Евгению. Все-таки восьмое марта на носу, как же женщину бросить? А у нас впереди большие выходные – мы добрые, – сказал доктор.

– Легкая больная, дотащим до лифта, Валерий Иванович, – сказал медбрат.

Бедные женщины не спали до двух часов ночи, пили чай, судачили, жалели себя, ругали мужиков, которые безвременно их покинули.

– Ладно, мой дед умер рановато, в семьдесят пять, а твой-то, Тася, ведь совсем молодой, в пятьдесят три года ушел, – вздыхала Агриппина Ефимовна.

– Вот и некому даже цветочка подарить на восьмое марта. Твоя Томочка и не вспомнит. А сын-то все вкалывает в Тюмени? – поддакивала ей Таисья. – А мои вообще в Казахстане остались.

4

На следующее утро Таисья пошла проведать соседку.

– Живая, бабуля? – весело спросила она.

– У меня таких взрослых внучек нет, как ты. Томочке, и то всего тридцать пять, – с улыбкой ответила Агриппина Ефимовна, – проходи.

– А что это ты телефон свой бросила под трельяж? – спросила Таисья.

— Да ты что, у меня ж самый простой с крупными буквами, – ответила старушка. – Куда нам такие-то!

– Это той девицы, наверное, – догадалась Тася.

Позвали соседского мальчика, одиннадцатилетнего Влада.

– Посмотри, Владик, может, тут фамилия хозяйки есть? – спросила Таисья.

– Да откуда? В телефонной книге только ее абоненты: Ася, Бакс, Винт, Жорж, Демьч, Крис, Люка, мама, Самсон, Серый, шеф. Да много еще, – ответил Владик.

– И кому звонить? Маме? А мы не знаем, куда ее увезли. В БСМП, наверное, – размышляла Тася.

Владик проверил баланс на телефоне.

– У нее деньги кончились, – изрек он.

– Придется с моего звонить. Алло, женщина, тут ваша дочь Евгения..., – начала говорить Таисья.

– Никогда у меня не было дочери Евгении, – резко ответила женщина и отключила телефон. Позвонили еще нескольким знакомым девушки, но никто не знал Евгению Верхотурову.

Сергей проснулся после ресторана опухший, в плохом настроении. Недаром говорят, что хорошую выпивку характеризует состояние кошелька, лица и количество телефонных звонков. Лицо пострадало сильнее всего. Но Сергей был счастлив, что проснулся один. Хорошо, что шеф согласился отвести Ирку. Сергею совсем не хотелось встречаться с ее матерью. Он закончил тот же Технический университет, что и Ирина с Анатолием, только на два года позже. Когда пришел работать на комбинат, то никак не ожидал встретить там звезду их факультета.

«Вот стерва эта Ирка, манипулирует нами, мужиками, как хочет! Ведь расстался с ней давным-давно, так нет, хоть в ресторан уговорила сходить», – ругал себя Сергей. Он резко встал, сделал зарядку, принял душ, сварил кофе. Зазвонил телефон.

– Привет, дорогой! Что ты не поздравляешь меня с праздником? – зазвучал слегка томный голос Дианы.

– Маленькая моя, сегодня только седьмое марта. Поздравляю! Как ты там? Как погода, как море? – старался беззаботно говорить Сергей.

– Я так скучаю по тебе, – продолжала Диана.

Она, как всегда, отключилась, не попрощавшись. Сергей прихлебывал остывший кофе и вздыхал. Уже ничего не изменишь. Бывшая жена уехала лечиться в Израиль к род-

ственникам и осталась там навсегда. Теперь рвала душу и себе, и Сергею. Он решил съездить поздравить с праздником маму.

6

Сергей шел в гараж за машиной, когда у него зазвонил телефон.

– Вы Сергей? – спросила какая-то женщина, – а то тут Серый написано.

– Да, Сергей, – недовольно ответил он.

– А вы знаете Евгению Верхотурову? – спросила женщина.

– Нет, не знаю, – ответил Сергей и отключился. Настроения не было ни с кем разговаривать. Он заставил себя идти более расслабленно и свободно. Тело послушалось его, и настроение немного улучшилось.

– Мы что так и будем звонить за мои деньги? – возмутилась Таисья. – Еще и разговаривать не хотят.

Они еще позвонили нескольким девушкам из телефонного списка незнакомки, но Евгению Верхотурову никто не знал.

– А может, это не ее телефон, – предположила Агриппина Ефимовна.

– Тогда чей? – ответила вопросом Таисья.

— Да, правда, у меня кроме этой девушки в квартире ни-

кого не было, – задумалась старушка.

– У нас что-то типа игры в испорченный телефон получается, – сказала Таисья.

– А как вы узнали фамилию девушки? – спросила Людмила, мама Владика. Она пришла за ним.

– Так визитку нашли в сумочке, – назидательно сказала Агриппина Ефимовна.

– Это не факт, что визитка ее, – парировала Людмила, – если так волнуетесь за девушку, сначала саму разыщите в больнице. Она забрала мальчика и ушла.

– Во, что значит ум хорошо, а молодой ум – лучше! – восхищенно сказала Таисья. – Как я сразу не додумалась!

– Давай уж завтра начнем в больницы звонить, а то я от всех волнений заболеваю – давление поднимается, – заохала Агриппина Ефимовна.

– А Людка-то детективы смотрит без конца, не то что мы с тобой – сериалы, вот и умная, сообразительная, – пришла к выводу Таисья. – Поешь и лежи, отдыхай.

7

Ирина очнулась в больнице на второй день к вечеру.

– А что это за постель? Где я? Почему простыни серые! – заорала она.

– Девушка, успокойтесь, вы в реанимации, – подошла медсестра и придержала ее, так как Ирина порывалась встать.

– А почему мужик голый рядом лежит? – опять возмутилась Ирина.

— Что делать? Третий месяц здесь лежит. Между жизнью и смертью, – грустно ответила медсестра и прикрыла больного простыней.

– Мне бы закурить, – попыталась сестра Ирина.

– Ой, какая вы беспокойная. Олег, иди разбирайся с дочкой! – крикнула медсестра.

Олег поставил Ирине укол, и они вышли из палаты.

– Такая молодая, всего тридцать два года, а уже микроинсульт. Да на фоне сильного алкогольного опьянения, – вздохнула медсестра.

Она недавно здесь работала и всех жалела. Плакала.

8

Девятого марта с утра настроение в цехе было совсем нерабочее. Начальник цеха собрал планерку, пытался бодро-весело задать рабочий ритм, да и сам хотел настроиться на деловой лад.

– Анатолий Михайлович! На работе все, кроме Неустроевой, – заглянула в дверь табельщица Наташа.

– А что с ней? Не звонила? – заволновался начальник цеха.

– Нет, не звонила, – ответила Наташа.

Когда скрылась в двери голова девушки, Анатолий набрал

номер Ирины.

У Агриппины Ефимовны зазвонил чужой телефон. Старушка не знала, какую кнопку нажать, чтоб ответить. Заспешила к Владику, а он уже ушел в школу.

«Вот зараза эта Ирка! В студенческие годы чуть было не женился на ней, – подумал Анатолий, – так спустя два года после института она пришла работать к нему в цех, места лучше не нашла». Анатолий вызвал к себе зама.

– Лавренева ко мне, – отрывисто сказал он секретарше.

– Слушай, Сергей Владимирович, ты не распространяйся сильно, что мы с Ириной в ресторан ездили. Она что-то на работу не вышла, – тихо сказал Анатолий Михайлович.

– Да я как-то свои личные дела не обсуждаю ни с кем, – ответил Сергей.

9

Ирина медленно приходила в себя. Доктор пытался выяснить, что она помнит. У девушки болела голова, и события шестого марта она помнила совсем плохо.

– После работы мы были в ресторане, потом куда-то ехали, – рассказывала она, растягивая слова.

– Вы много выпили? – спросил доктор.

– Не помню, – ответила Ирина.

– Вы курите? – задал вопрос доктор.

– Да, курю. А что запретите? – резко ответила девушка.

– Успокойтесь, я выполняю свою работу. А наркотики вы принимали? – спросил доктор.

– Да так, травкой баловалась по молодости, – отвечала Ирина, – но я уже в завязке.

– А как зовут вашу маму, Евгения? – спрашивал дальше доктор.

– Я не Евгения, я Ирина, – резко ответила девушка.

– Успокойтесь, – сказал доктор и ушел.

– Нетипичный случай, – говорил он коллегам в ординаторской.

Мать Ирины – Анна Тимофеевна – очень обиделась, что дочь не только не пришла поздравить ее с восьмым марта, но и не позвонила. Она была очень амбициозной дамой. Но утешала себя тем, что Ира могла уехать куда-нибудь с очередным богатым любовником.

Девятого марта Таисья пришла к соседке с утра пораньше.

– Мы вчера не дозвонились до неотложки – праздник ведь был, надо сегодня попытаться, – с порога заявила она.

– Доброе утро, Тася! Сейчас звонил «шеф» на чужой телефон, а я не смогла ответить, – огорчалась Агриппина Ефимовна.

– С этого телефона шефу не позвонишь, там денег нет. Давай лучше в больницу звонить с городского, – настаивала экономная Таисья.

Из БСМП женщинам довольно быстро ответили, что Ев-

гения Верхотурова в реанимации.

– Вот переведут в палату, тогда приходите, – закончила разговор медсестра.

Девятого марта мать Ирины не выдержала и позвонила дочери на работу. Она очень удивилась, что Ирины там нет. Стала звонить на сотовый.

Тася с Агриппиной Ефимовной пили чай с медом. Тася схватила телефон и как-то включила.

– Да, слушаю, – ответила она, – мама? Чья? Какой Ирины? Нет, Ирину мы не знаем, это телефон Евгении. Женщина, что вы кричите на меня. Откуда я знаю. Телефон случайно оказался, долго объяснять. Вы где живете? Машиностроителей, два «А»? Так приходите к нам, мы все расскажем. Квартира? У кого, у нас? Семьдесят вторая.

Через несколько минут взволнованная Анна Тимофеевна прибежала в соседний дом.

– Как попал к вам телефон моей дочери? – с порога выкрикнула она.

И соседки, перебивая друг друга, кое-как рассказали ей о визите незнакомой девушки шестого марта.

– А телефон мы не можем вам отдать, он дорогой. Мы его сами ей отдадим, когда ее в палату переведут, – твердо сказала Таисья.

– Ладно, я поеду сейчас в БСМП, сама все узнаю на месте. Бедная моя девочка, такая умная, скромная, красивая. Кругом зависть, все ей завидуют, – сквозь слезы говорила мать

Ирины, пока одевалась.

– Надо же, как много значит одна буква в номере дома, — многозначительно сказала Таисья.

10

Агриппина Ефимовна с Таисьей посетили Ирину через несколько дней в больнице скорой помощи и вернули телефон. Девушка их не узнала. Анна Тимофеевна дежурила около дочери.

– А, это те старые маразматички, что дали врачам Женькину визитку, – высказалась она.

– Вы извините ее, она еще не в себе, – кричала мама Ирины вслед пожилым женщинам.

А они лишились дара речи.

– Бог ей судья, – сказала Агриппина Ефимовна.

– А ты ей блинчиков напекла, компотик наварила, – ответила Тася. – Эх могли бы пить, так напились бы сейчас! Пойдем хоть чаю с рижским бальзамом... хлопнем.

К Ирине по очереди приходили трое мужчин с работы: два молодых и один солидный, в годах. А из женщин пришла только табельщица Наташа, они с ней вместе в курилку ходили. Остальных женщин Ирина презирала и называла «старыми климактеричками», хотя они были старше ее на десять-двенадцать лет.

Сергей зашел в кабинет начальника цеха и, не здороваясь,

прошел к столу и врезал в морду Анатолию.

Тот опешил и опустился на стул.

– Ты что? – заорал он.

– За трусость тебе. Не мог Ирку в квартиру проводить? Смылся от двери. А если б бабки ее на площадку вытолкали? Она, конечно, стерва, но тоже человек, – очень взвешенно объяснил Сергей.

– Ты уволен! На место зама у меня очередь, – выкрикнул Анатолий.

– Заявление генеральному отдам, – спокойно ответил Сергей и вышел.

11

С тех пор прошло одиннадцать лет. Сергей женился и переехал жить в краевой центр. Перед восьмым марта они приехали с женой в родной город поздравить мать Сергея. С ними был их сын Матвей девяти лет.

– Такси не поймать, Нинок, давай три остановки проедем на автобусе, – предложил Сергей жене.

Народу в автобусе было немного.

– Вновь вошедшие, рассчитываемся! – крикнула кондукторша.

Сергей вздрогнул, узнав по голосу Ирину. По лицу он бы ее ни за что не узнал. Она выглядела лет на пятьдесят, очень худая, сутуловатая. Но больше всего почему-то убили Сергея

ее перчатки с обрезанными пальцами. Как у Андрейченко в «Военно-полевом романе».

Около «Прогресса» они вышли.

«Как быстро. Да-а. Быстро как проходит... все», – подумал Сергей.

– Давайте зайдем в цветочный магазин, – сказал он жене и сыну.

– Купим цветы бабушке и маме, – добавил Матвей.

– Как это пословица: береги шубу снову, а здоровье смолоду? – спросил Сергей.

– Нет, папа, мы проходили пословицы. Береги платье снову, а честь смолоду! – поправил сын.

– Да, береги честь смолоду. Но, в общем, итог-то один, – сказал Сергей. – А вот и цветы! Выбирай, сын!

2014г.

Моя взрослая любовь

Промелькнула черная иномарка. Мне показалось, что за рулем сидел Владимир. И сердце екнуло. Совсем седой. Раньше он был шатеном с седеющими усами.

Сколько мы не виделись: три-пять лет? Я уже стала забывать его. Обыденность вытесняет романтические чувства. Да и что толку мечтать о несбыточном?

А одно время я, как ненормальная, бежала с работы к тому магазину, где останавливался их служебный автобус. Якобы мне каждый день надо было покупать что-то для хозяйства.

Если мне везло, то я встречала его на тропинке одного. Все, что я могла себе позволить – это поздороваться и посмотреть в его серо-голубые глаза. Иногда автобус приходил раньше, и я видела только его «хвост». Тогда я, как дура, стояла посреди тропинки и смотрела вслед Владимиру. А он уже шел мимо старой березы по направлению к продуктовым павильонам. Сейчас и павильоны уже снесли. Построили большие магазины и супермаркеты.

А Владимир неожиданно переехал из соседнего дома в другой микрорайон.

В предпоследний раз мы встретились с ним в поликлинике. Да, это было три года назад. Кардиолог в очередной раз отправила меня на анализ крови. Я подпирала стену у проце-

дурного кабинета и шархнула, когда оттуда вышел Владимир. Да, я тогда поразила, что он сильно похудел. Высокий, крупный мужчина. Он стал стройным, как юноша. Ему, безусловно, шел этот черный свитер и джинсы. Владимир присел на диванчик, придерживая ватку на вене.

Я слышала, что у него погиб сын в авиакатастрофе, поэтому подошла и выразила свои соболезнования. Кончиками пальцев я дотронулась до его предплечья. Рука была какая-то вялая и безжизненная. Но сказал он твердо: «Переживем как-нибудь». Возможно, просто именно эти слова вырвались. Он ведь речь не заготовливал. Опустил голову. Сглотнул. Потом резко вздохнул. Встал и пошел, не попрощавшись.

Да, переживем. Но на это уйдут годы и годы. Уж я-то знаю.

12.09.2010г.

Параллельные прямые

1

Я люблю свою работу, хоть и считаю целыми днями чужие деньги: на бумаге и в компьютере. Люблю свой офис и свое рабочее место в дальнем углу у окна, за которым уже набухают почки черемух и яблонь.

Но сегодня суббота. С утра переделала уйму дел и присела с чашкой крепкого кофе перед телевизором. Забралась в кресло, набросив на ноги плед. Я такая мерзлячка!

По телевизору шел фильм «Приезжая». И так заболела душа, так потянуло в деревню – на мою малую родину. Почему-то весной меня всегда тянет в прошлое.

Вдруг в мирной тишине моей квартиры резко зазвонил телефон. Я вздрогнула. Схватила трубку, ответила на приветствие. Лихорадочно рылась в недрах своей памяти, пытаюсь вспомнить, кому принадлежит этот красивый баритон.

– Простите, может, Вы представитесь для начала? – робко спросила я.

– Евгений Верховцев, – ответил мой собеседник и рассмеялся.

Теперь же я, конечно, узнала своего одноклассника. Только голос стал ниже, тембр – богаче.

Представила на другом конце провода синеглазого парня с копной черных кудрей и улыбкой Евгения Урбанского.

– Катюша, я лечу из Москвы в Иркутск через Красноярск.

И очень хотел бы тебя увидеть. Сейчас мы в Омске. Через два часа мы приземлимся в Красноярске, – продолжал Евгений.

– Конечно, я приеду, приеду! – выкрикнула я, потом уже спокойнее добавила, – как же не увидеться с единственным «иностранцем» из нашего класса.

– Узнаю, узнаю Катю Кузнецову! Ты все такая же! – рассмеялся он.

Положив трубку, я начала лихорадочно собираться. Хваталась то за одно, то за другое.

Облачась в легкую ветровку и туфли без каблуков, я бежала к своей машине и считала, сколько времени у меня уйдет на дорогу до аэропорта. Сердце выскакивало из груди, подступало к горлу. В последний раз я так бегала на соревнованиях в школе.

Я вскочила в серебристую «тойоту», рванула газ. Потом одумалась, сбавила скорость, все-таки еще по городу еду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.